

О. С. Муравьева

ОБРАЗ ПУШКИНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Наиболее трудное здесь — обозначить самый предмет исследования. Черты мифологизации Пушкина присутствуют во всяком знании о нем, имеющем свою традицию. История русской критики предложит нам свой миф о Пушкине, история русской литературы — свой. Существует и обыденное восприятие, массовое сознание, в котором рождаются свои мифы. Необходимо уберечься и от опасности оказаться во власти какой-то одной традиции, и от того, чтобы скомпоновать на их основе некий искусственный эклектический миф о Пушкине. Нас будут интересовать те мифы о нем, которые возникали и достаточно долго удерживались в общественном сознании той или иной эпохи. Понятны недоумения: авторы каких отзывов и свидетельств могут претендовать на роль выразителей общественного

сознания? Какие факты и события безусловно презентативны в этом отношении? Этот отбор не может не быть в значительной степени интуитивным, но ориентир здесь — определенная устойчивость образа, его воспроизводимость в различных вариантах.

Судьба Пушкина сложилась так, что буквально с первых его шагов на поэтическом поприще вокруг него начал формироваться некий миф; миф о чудо-ребенке, юном гении, призванном прославить отечественную литературу. Вспомним восторженные пророчества В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина, знаменитое «благословение» Г. Р. Державина. Можно ли все это квалифицировать как миф, ведь все эти оценки оказались справедливы и пророчества осуществились? Да, но это стало ясно лишь потом, годы спустя. Тогда же, в 1810-х, Пушкину еще 14, 15, 16 лет, он еще скучает на уроках, играет в мяч, ссорится и мирится с одноклассниками; а рядом с ним существует образ, творимый его старшими друзьями: «будущий гигант, который всех нас перерастет» (Жуковский)¹, он «нас всех заест, нас и отцов наших» (Вяземский)². И вот уже сам юный поэт шутя примеривается к обещанному высокому жребию: «Великим быть желаю, /Люблю России честь,/ Я много обещаю — /Исполню ли? Бог весть!» (II, 491). Почти сразу же намечилось известное расхождение между этим образом юного гения и реальным подростком — в самом деле гениальным, но и озорным, беспечным и неуправляемым. Разумеется, все это еще легко укладывается в чисто житейскую ситуацию: взрослые и заботливые друзья стремятся направить в нужное русло таланты своего подопечного, огорчаясь его легкомыслием и леностью. Но в контексте всей поэтической судьбы Пушкина здесь угадывается первый проблеск будущей трагической коллизии: в Пушкине хотят видеть некий умозрительный идеал, и несоответствие ему воспринимается с досадой и огорчением (пока только лишь с досадой и огорчением).

За годы южной и михайловской ссылки Пушкина у столичных читателей сложился образ романтического поэта-изгнанника, всегда влюбленного и вдохновенного. Долгожданная встреча поклонников поэта со своим кумиром вызвала у многих из них острое разочарование³. В 1830-е годы в русском обществе постепенно складываются разные образы, соотносимые

¹ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. С. 81.

² Вяземский П. П. А. С. Пушкин. 1816—1825: По документам Остафьевского архива. СПб., 1880. С. 27.

³ См.: Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников//А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 18—19.

с именем Пушкина. Один — достаточно абстрактный образ «знаменитости», признанного гения, прославленного поэта⁴. Другой — образ писателя-аристократа, высокомерного барина. Ф. В. Булгарин в своих статьях последовательно проводил мысль о том, что Пушкин не заботится об интересах публики и считает своих читателей «стадом»⁵. К. А. Полевой на всю жизнь сохранил представление о Пушкине как о надменном аристократе и именно так изобразил его в своих мемуарах⁶. Этот образ, при всей его очевидной пристрастности, имел серьезные шансы на то, чтобы отложиться в сознании общества. Прежде всего он в искаженном, превратном виде демонстрировал некоторые черты, в самом деле присущие Пушкину. Нетрудно привести много цитат из его произведений и эпизодов из воспоминаний его современников, которые вполне могут быть интерпретированы в таком духе. Разумеется, все эти факты не являются доказательством для приведенных выше характеристик. Но для их осмысления необходимы достаточно сложные контексты и нетривиальные подходы. Так, скажем, декларации Пушкина о равнодушии к требованиям публики направлены, в сущности, на утверждение независимости искусства, права художника следовать лишь «веленью Божию». Холодность и надменность, видимо действительно присущие Пушкину в определенных ситуациях, можно понять как нежелание смешивать профессиональные и личные отношения, объясняющееся в свою очередь иными, нежели у его оппонентов, представлениями о роли писателя в обществе. Но подобные рассуждения (позднее затрагиваемые в той или иной связи в научной литературе о Пушкине) не имели и не имеют никакой привлекательности для широкой публики, ибо не содержат ничего, возбуждающего общественные страсти. Что же касается образа высокомерного эстета, поэта-аристократа, то он бередил душу не одного поколения, ибо находился в разительном и возмутительном противоречии с тем представлением о писательстве как служении, которое прочно укоренилось в русском общественном сознании. Важную роль сыграло и то, что этот образ навязывался со стороны демократических, а во второй половине века и оппозиционных властей литературных партий. Таким образом, еще при жизни Пушкина его противники нащупали и использовали

⁴ См.: Гончаров И. А. Из университетских воспоминаний//А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 215.

⁵ См.: Столянский П. Н. Пушкин и «Северная пчела»//Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. XIX—XX. С. 156—157.

⁶ Полевой К. А. Из «Записок»//А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 53—54, 57—58.

в полемических целях одну из наиболее уязвимых сторон его писательского облика.

Внезапная трагическая смерть Пушкина стала для современников потрясением небывалым и неожиданным для них самих. Откликом на нее явилось несколько поэтических шедевров: «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова, «Лес» А. В. Кольцова, «29-е января 1837» Ф. И. Тютчева; по справедливости можно отнести к ним и знаменитый некролог В. Ф. Одоевского. «Невольник чести», «первая любовь» России, «солнце русской поэзии» — эти образы навсегда вошли в пушкинскую мифологию, но ни один из них не стал источником, первообразом развивающегося мифа. Поэтические же отклики третьего ряда не дают никаких определенных и повторяющихся характеристик, представляя собой, вероятно, искренние, но достаточно безликие излияния по поводу смерти гения. Существенное значение для дальнейшей мифологизации Пушкина имело известное письмо В. А. Жуковского отцу Пушкина от 15 февраля 1837 г. В письме, в частности, последовательно развивался мотив духовной связи умирающего поэта с царем и связанный с ним мотив народной скорби. Письмо Жуковского — документ сложный и по своей концепции, и по психологической подоплеке. Но отмеченные мотивы постепенно заслонили все остальное, и письмо стало одним из источников консервативно-официозного мифа о Пушкине, о котором еще пойдет речь. Письмо Жуковского, близкого друга Пушкина и непосредственного участника только что произошедших событий, уже носило несомненный характер мифологизации: конструирование образа осуществлялось согласно определенной концепции. Еще более явственно эта тенденция проявилась в воспоминаниях Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Гоголь представил Пушкина как некий эталон национального характера: «русский человек в развитии, каким он, может быть, явится через двести лет». С точки зрения Гоголя, Пушкин «был дан миру на то, чтобы доказать собору, что такое сам поэт, и ничего больше, — что такое поэт, взятый не под влиянием какого-нибудь времени или обстоятельств и не под условием также собственного, личного характера, как человека, но в независимости от всего; чтобы, если захочет потом какой-нибудь высший анатомик душевный разъять и объяснить себе, что такое в существе своем поэт <...> то, чтобы он удовлетворен был, увидев это в Пушкине»⁷. Этот Пушкин — «русский человек в развитии» и одновременно «поэт — и больше ничего» — объявлялся Гоголем истинным «русским национальным поэтом». Кроме того, худо-

⁷ См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [Л.], 1952. Т. VIII. С. 50, 381—382.

жественное воображение Гоголя, переакцентируя и домысливая факты, рисовало Пушкина в роли идеолога и пророка.

В. Г. Белинский, подводя итог своим размышлениям в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина», заключал: «Пушкин был по преимуществу поэт, художник и больше ничем не мог быть по своей натуре». В то же время Белинский убежден, что Пушкин «был и глубоко сознавал себя национальным поэтом».

Однако, в отличие от гоголевских, представления Белинского о народном и национальном несли на себе печать революционно-демократических идеалов, антиславянофильских настроений. Критик враждебен по отношению к традициям и преданиям, ко всему патриархальному укладу жизни. Признавая Пушкина национальным поэтом, Белинский многократно упрекает его за выражение дворянских интересов. Критик решительно утверждает: «Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежавшего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, везде видите русского помещика...»⁸

Концепции Гоголя и Белинского, совпадая в одном, резко расходятся в другом, доступный и непротиворечивый миф о Пушкине еще не предложен русскому обществу. Не смог предложить его и круг друзей и сподвижников Пушкина, безнадежно терявший ведущее положение в литературной и общественной жизни. Вплоть до середины 1850-х годов образ Пушкина не имел особенной социальной значимости, проблемы интерпретации его личности и судьбы волновали лишь узкий круг литераторов и интеллектуалов. Но настал день, когда это достаточно келейное знание попало в центр ожесточенной и непримиримой политической борьбы. Предлогом послужило появление книги П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (1855). Труд Анненкова был первой научной биографией поэта и содержал целостную характеристику творческой личности Пушкина. Анненков держался в основном в русле концепции Белинского (Пушкин — «художник по преимуществу»), но выделение именно этой идеи критика и выстраивание соответственно ей биографии Пушкина придавали известной концепции новое звучание. Книга вызвала восторженные отзывы людей, хорошо помнивших живого Пушкина (И. И. Пущина, С. А. Соболевского, М. Н. Погодина, Н. И. Павлищева), и была высоко оценена интеллектуальной элитой. Среди подписавших подарочный экземпляр «Материалов...», который был поднесен Анненкову на торжественном обеде, устроенном в его честь,

⁸ См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VII. С. 440, 579, 502.

были И. С. Тургенев, И. И. Панаев, В. П. Боткин, Н. А. Некрасов, А. В. Дружинин, А. Ф. Писемский, А. Н. Майков, А. К. Толстой, Я. П. Полонский и другие. В то же время книга встретила неприкрыто враждебное отношение со стороны ведущих демократических критиков — Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева. Удар, нанесенный Писаревым, был ошеломляющ. Собственно, ничего принципиально нового Писарев не открыл. Он обыграл все тот же образ поэта-аристократа, блестящего, но поверхностного стихотворца, известный еще по полемическим выпадам 1830-х годов. Писарев этот образ высмеял и унизил, но сделал это остроумно и хлестко, в своем роде даже блестяще. Главная разрушительная сила этого образа Пушкина заключалась в том, что его фактическая основа была как бы бесспорна. «Чистым художником», служившим одному только искусству, считал Пушкина П. В. Анненков⁹. Эту точку зрения разделяли А. В. Дружинин и Н. Н. Страхов¹⁰. В. П. Гаевский утверждал, что Пушкин признавал «единственной целью своей жизни» наслаждение природой и искусством и пренебрегал «всеми другими целями, волнующими его современников»¹¹. В том же духе высказывались М. Н. Катков, А. Станкевич и другие¹². Показательно, что Писарев не делает попытки опровергнуть какие-либо положения эстетической критики, напротив, он охотно с ними соглашается. Но акцентируемые этой критикой черты творчества и личности Пушкина вызывают у него отнюдь не восхищение, а презрение и насмешку. Здесь столкнулись не два взгляда на Пушкина: столкнулись два мировоззрения, две идеологии, более того, две культуры, одна из которых отрицала другую и стремилась ее развенчать. Для нас сейчас важно, что в результате этой сшибки возник один из самых ярких образов Пушкина: образ-кариатура. «Так называемый великий поэт», «наш маленький и миленький Пушкин», «величайший представитель филистерского взгляда на жизнь», «легкомысленный версификатор», «ветхий кумир», «возвышенный кретин»¹³.

⁹ См.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 173—176.

¹⁰ См.: Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII. С. 214; Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 8—9.

¹¹ Гаевский В. П. Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова//Отеч. зап. 1855. № 6. С. 62.

¹² См.: Катков М. Н. Пушкин//М. Н. Катков о Пушкине. М., 1900. С. 21—24, 37, 42; Станкевич А. Сочинения Пушкина//Атеней. 1858. № 2. С. 73.

¹³ См.: Писарев Д. И. Пушкин и Белинский//Соч. СПб., 1894. Т. V. С. 78, 102, 119.

Никто тогда не сумел заступиться за Пушкина, никто не смог предложить иной, но столь же яркий и, главное, общественно значимый образ поэта.

Следующий всплеск общественного интереса к Пушкину пришелся на 1880 г. В этот год Москва торжественно праздновала открытие первого в России памятника Пушкину. С расстояния в сто с лишним лет с сочувствием и горечью наблюдаем мы за отчаянной попыткой русской интеллигенции сплотиться вокруг Пушкина, обозначить в общественной жизни России некую заповедную область, недоступную для политической борьбы и идеологического противостояния. Если бы интеллигенция сумела тогда добиться этого и тем самым заявить о себе как о самостоятельной и влиятельной общественной силе, быть может, вся история нашей страны пошла бы иным путем. Но история шла так, как шла, и братство независимых интеллектуалов распалось, не успев сложиться. Неудача кажется тем более трагически нелепой, что символ объединения — Пушкин — был выбран поразительно точно. И личность Пушкина, и его общественная позиция, и весь пафос его творчества как нельзя лучше подходили для того, чтобы родился миф о поэте мудром и терпимом, но и непреклонном в своем нежелании зависеть как от «властей», так и от «народа». Миф, в котором так нуждалось вечно раздраженное, разделенное на враждующие лагеря и жаждущее справедливости русское общество. Но это чисто теоретический, так сказать, нормативный подход. В реальности же из интеллектуальных споров, литературных дебатов, блестящих речей и банальных сентенций родились совсем другие мифы. Реконструировать их нам будет проще всего на материале посвященных Пушкину стихотворений, поток которых хлынул в периоду 1880—1890 годов. Они не могут, конечно, претендовать на полное и адекватное отражение процесса активной мифологизации Пушкина, толчок которому дали пушкинские празднества 1880 г., но мы и не ставим перед собой такой задачи. Масовая однодневная лирика репрезентативна по-своему: она дает срез наиболее расхожих штампов и представлений; она скользит по поверхности, но и вбирает все то, что на поверхности задерживается. Поэтому наиболее интересны с этой точки зрения не шедевры, не создания великих и выдающихся поэтов — выражение их ни на кого не похожего видения, а именно стихотворная беллетристика, непосредственно и незатейливо откликающаяся на злобу дня.

Прежде всего обращает на себя внимание усиленное педалировать национально-патриотической тематики. Например:

Он понял — прозорливый гений,
 Ложь иноземных заблуждений,
 Пути родные отыскал,
 Он верил в русскую державу,
 Нам уготовил нашу славу. . .

(А. Гангелин. «Памяти Пушкина»)

Как славен и велик народ,
 Среди которого явился
 Великий, истинный поэт,
 И с ним впервые засветился
 В окошке русском *русский* свет!

(Д. Минаев. «Поминок»)

Постоянны декларации типа:

Твой всеобъемлющий и чисто русский гений
 Свообразен и велик,
 Как Русь сама!

(О. Чюмина. «К пятидесятилетней годовщине смерти А. С. Пушкина»)

Как Пушкиным прославлена Россия,
 Так Пушкина прославит и она.

(В. Мазуркевич. «К столетию дня рождения А. С. Пушкина»)

Нужно сказать, что за всем этим барабанным боем было и некое живое чувство: величие Пушкина воспринималось как залог возможного величия России и поэтому становилось моральной опорой для интеллигенции, не уверенной в будущем своей страны. Показательно, что в этом духе высказывались и такие поэты, как А. Н. Майков:

Мы приветствуем тебя —
 Нашу гордость — как задаток
 Тех чудес, что, может быть,
 Нам в расцвете нашем полном
 Суждено еще явить!

Характерный для поэтических обращений к Пушкину патристический пафос очень часто сочетается с официозными декларациями. Вот характерные образцы:

Ты пел народы и царей, —
 Всем доброе внушал,
 < >
 Любил ты наш простой народ —
 И сам любовь снискал.

(И. Румянцев. «Пушкину»)

И в час последний, в час свободы,
 Кончая жизненный урок,
 Он «символ» произнес народа:
 Россия, царь земной и Бог!¹⁴

(М. «У подножия памятника»)

Следует отметить, что Пушкин настойчиво именуется «учителем». Постоянны обращения: «учитель дорогой», «великий наш учитель» и т. п. Пушкин, как известно, всегда решительно возражал против навязывания литературе «учительских» функций и тем более отказывался принимать их на себя. Но инерция общественного сознания, воспринимающего великих поэтов и писателей как «учителей» и «идейных вождей», пересиливала, заглушала его совершенно недвусмысленные заявления и поэтические декларации. Наперекор им потомки уверенно заявляют: «Ты знал, что в будущем тот славный день придет,/Когда учителя найдет в тебе народ»¹⁵. Некоторые разногласия имели место лишь по поводу того, пришел ли уже этот день, или он еще в будущем и является желанной целью. С этим связана и весьма прагматическая интерпретация понятия «поэт-пророк». Пророк понимается, в сущности, как предсказатель будущего, вплоть до конкретных событий. Здесь богатый материал давала авторам отмена крепостного права по инициативе Александра II, что явилось как бы исполнением пушкинского пророчества: «...и рабство, падшее по манию царя». В отношении дальнейшего осуществления пророчеств мнения авторов находятся в прямой зависимости от их собственных упований и политической ориентации. Если одни убеждены, что «славянские ручьи сольются в русском море», то другие верят, что недаром поэт «прославил свободу».

Таким образом, в 1880—1890-е годы формируется миф о Пушкине, имеющий небывало широкую доселе социальную базу. В нем отозвались идеи Гоголя и Белинского о национальном поэте и бравурность патриотической пропаганды, пророческий характер русской литературы и прагматичность просветительского сознания, жажда идеала и идеологические догмы. Пушкин начинает осознаваться как центральная фигура русской культуры, что усиливает тенденцию к его мифологизации и одновременно увеличивает притязания на него со стороны различных

¹⁴ Стихотворение Мазуркевича цитируется по кн.: Памяти А. С. Пушкина/Сост. А. В. Колчин. СПб., 1900. С. 71; все остальные стихотворения цитируются по кн.: Русские поэты о Пушкине/Сост. В. Каллаш. М., 1899. С. 168—169, 198, 210, 247, 315—316, 328.

¹⁵ Маркярон. Ты памятник себе воздвигнул превосходный...//Русские поэты о Пушкине. С. 188.

политических и общественных сил. Неудивительно, что власть предрешающие проявили крайнюю заинтересованность в создании и популяризации удобного для них мифа о поэте. Этапным в этом смысле стал пушкинский юбилей 1899 г. Российское государство предприняло попытку сделать с Пушкиным то, чего не удалось сделать с ним при его жизни, а именно превратить его в официального классика, образцового поэта империи. В печати началось безудержное эксплуатирование того мифа о Пушкине, выдержанного в духе требований официальной идеологии, который уже вполне выкристаллизовался в стихотворной беллетристике и публицистике двух предшествующих десятилетий. Согласно этому мифу, Пушкина отличали любовь к простому народу, преданность царю, верность православной вере, русский патриотизм. В 1899 г. заметно усилился, соответственно вкусам власти, мотив религиозности Пушкина, толкуемой в самом ортодоксальном плане; невиданно активное участие в пушкинских торжествах приняли священнослужители. Широко развернулась спекуляция именем Пушкина в самых далеких от литературы сферах. Выпускались папиросы «В память Пушкина», спички «Пушкин», чернильницы в виде бюста Пушкина и т. п.¹⁶ (Не тогда ли родилась присказка: «А уроки кто будет делать? Пушкин?»)

В бесчисленных речах, приветствиях и юбилейных статьях навязывался обществу образ верноподданного, правоверного и благопристойного поэта. «Поразительное и умиленное зрелище представляет собою единение Царя с народом в лице Пушкина как верного и цельного его представителя»¹⁷; «В дивных поэтических глаголах он высказал заветные верования русского народа, его глубокую привязанность к своим вековым учреждениям, его высокую веру в идеал царя»¹⁸; «Как государи, собиратели Руси, он собирал Русь чудесными произведениями своего гения, он создавал памятник не только себе, но памятник русскому духу...»¹⁹

Этот официальный миф был, однако, не единственным; можно сказать, что в эти годы боролись за влияние на умы несколько мифов о Пушкине. Согласно одному из них, Пушкин всегда был и оставался «другом декабристов», в душе которого всегда жила идея «гражданского протеста». Заметные изменения в поведении и высказываниях Пушкина в 1830-е годы объяснялись

¹⁶ См.: Берков П. Н. Из материалов пушкинского юбилея 1899 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 411—412.

¹⁷ Остроумов И. И. Речь преподавателя <...> в день чествования 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Гродна, 1899. С. 17.

¹⁸ Никольский В. В. Идеалы Пушкина. СПб., 1899. С. 93.

¹⁹ Устинов И. Е. О значении поэзии Пушкина. Харьков, 1900. С. 35.

вынужденной маскировкой, необходимым в сложившейся ситуации лавированием. Активным творцом и пропагандистом этого мифа был В. Е. Якушкин. Его речь на торжественном заседании в Московском обществе любителей российской словесности, в которой он отстаивал такую легенду о Пушкине²⁰, подверглась ожесточенной критике в консервативных изданиях. В частности, «Московские ведомости» из номера в номер печатали статьи и письма в редакцию под характерными заголовками: «Клевета на Пушкина», «Клеветникам Пушкина» и пр. Авторы их с жаром доказывали, что Якушкин оскорбил память «верноподданного» поэта. Нужно сказать, что эта точка зрения критиковалась и с позиций радикальных. Якушкина и его единомышленников упрекали в том, что они выдают желаемое за действительное²¹. В дальнейшем не раз объявлялось, что Пушкин вполне засвидетельствовал свою «беззаветную преданность общественному консерватизму» и сегодня наверняка «явился бы противником либеральных движений»²². В дни пушкинского юбилея 1899 г. этот образ поэта был доведен почти до карикатуры в нелегальной брошюре саратовских социал-демократов: «Пушкин не был никогда другом народа, а был другом царя, дворянства и буржуазии: он льстил им, угождал их развратным вкусам, а о народе отзывался с высокомерием потомственного дворянина»²³.

В 1890-е годы получил широкое распространение эстетический миф о Пушкине, восходящий еще к В. Г. Белинскому и парадоксально подтвержденный Н. Г. Чернышевским и Д. И. Писаревым. Это был миф об «абсолютном художнике», «художнике по существу и по преимуществу», который противостоял не только сильно политизированным и идеологизированным мифам о Пушкине, но и самой демократической тенденции в осмыслении роли поэта в обществе. Авторы статей, посвященных пушкинскому юбилею, в журнале «Мир искусства» (Н. Минский, Ф. Соллогуб, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский) так или иначе проводили мысль о том, что истинный поэт непонятен толпе, что пышные празднества фальшивы и лишь оскорбительны для его памяти и т. д. Эстетический миф о Пушкине получил развитие в интерпретации символистов, для которых Пушкин был одной из ключевых фигур. Анализ многочисленных и противо-

²⁰ См.: Якушкин В. Е. Радищев и Пушкин//Якушкин В. Е. О Пушкине. М., 1899. С. 3—69.

²¹ См.: Мякотин В. Из пушкинской эпохи//Сборник журнала «Русское богатство». СПб., 1900. Ч. 2. С. 236—237.

²² См.: Городецкий Б. П. Проблема Пушкина в 1890-е годы//Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. 1940. Т. IV, вып. 2. С. 80.

²³ Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 1048.

речивых символистских истолкований Пушкина не входит в наши задачи, выделим лишь то, что имеет непосредственное отношение к нашей теме. Так, сформулированная Брюсовым антитеза: классическая поэзия, с ее пластичностью и зримостью, и романтическая, с ее порывами в «невыразимое», — имела важнейшее значение для пушкинской мифологии²⁴. Миф об «абсолютном» поэте трансформируется в миф об «аполлоническом» поэте, т. е. поэте, чей гений ограничен сферой внешнего, зримого мира; чей блестящий художественный дар сочетается с отсутствием философской глубины, религиозной идеи²⁵. Отсюда образы: «Ничто, водруженное на Олимп» (А. Белый), «Блистательный, но лживый гений» (Ф. Соллогуб). Отметим особо концепцию Мережковского о «символическом Пушкине» как о «тайне» всей русской культуры²⁶. Опираясь на идеи Гоголя и Достоевского и открывая возможности для самых неожиданных интерпретаций, эта концепция обладала большим мифотворческим потенциалом.

Философско-эстетические мифы о Пушкине при всей их значимости для развития литературы и эстетической мысли функционировали лишь в достаточно узком элитарном кругу и в этом смысле не могли соперничать с более примитивными, но общедоступными мифами. В целом к середине 10-х годов XX столетия русское общество обладало несколькими мифами о Пушкине, спорящими друг с другом, но сосуществующими в одном культурном пространстве. «Национальный гений», «легкомысленный версификатор», «пророк и учитель», «певец царя и Отечества», «друг декабристов», «глава мирового охранения», «абсолютный поэт», «тайна», «провозвестник свободы», «ничто» — какой из этих образов обнаружит большую значимость, какой из мифов получит дальнейшее развитие в обществе, основанном на других началах и новых ценностях?

Советский миф о Пушкине — не самый значительный, но весьма выразительный результат тех глобальных изменений, которые произошли в стране после революции и гражданской войны.

Однако прежде скажем о том образе, к которому разом потянулись русские поэты и интеллигенты, безошибочно почувствовавшие «холод и мрак грядущих дней». Это новое и острое

²⁴ См.: Брюсов В. Я. Вл. Соловьев: Смысл его поэзии//Соч. М., 1987. С. 242—243.

²⁵ Мусатов В. В. Пушкин в эстетическом самосознании русского символизма//Художественная традиция в историко-литературном процессе. Л., 1988. С. 50—52.

²⁶ См.: Мережковский Д. С. Лев Толстой и Достоевский//Полн. собр. соч. М., 1914. Т. IX. С. 115.

чувство, возникшее у них к Пушкину, прозвучало в стихах Блока:

Пушкин! Тайную свободу
 Пели мы вслед тебе!
 Дай нам руку в непогоду,
 Помоги в немой борьбе!²⁷
 (1921)

В. Ходасевич говорил о «страстном желании» ощутить близость Пушкина, «потому что мы переживаем последние часы этой близости перед разлукой <...> Это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке»²⁸. Ходасевич, возможно, и не предполагал, насколько пророческими окажутся эти его слова. Те, кто сохранил верность духовным ценностям, отвергнутым и запрещенным официальной идеологией, именно через отношение к Пушкину выражали порой свои представления об истинном поэте, о подлинном значении поэзии.

А. А. Ахматова не называет и не оценивает ни одного качества Пушкина, ее восхищает загадочность, необъяснимость гения:

Кто знает, что такое слава!
 Какой ценой купил он право,
 Возможность или благодать
 Над всем так мудро и лукаво
 Шутить, таинственно молчать
 И ногу ножкой называть?..²⁹

Пушкин Ахматовой — это воплощение божественного дара. Сама Муза у Ахматовой непременно «смуглая», конечно, по ассоциации с Пушкиным, «смуглым отроком», бродившим когда-то по аллеям Царского Села. В поэзии Ахматовой всемерно поддерживается связанная с Пушкиным мифологизация Царского Села — отчества поэтов, обители дорогих призраков.

Совсем иной Пушкин у М. И. Цветаевой; это бунтарь, бунт и насмешник, это «бич жандармов, бог студентов,/Желчь мужей, услада жен». Этот Пушкин — «негр», «скалозубый, наглозорый», «африканский самовол». Он — «заморская птица», страдающая от русских холодов и русской косности. Но он же — и «правнук» Петра I, наследник смелости и духовной мощи великого реформатора России³⁰.

²⁷ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 377.

²⁸ Ходасевич В. Колеблемый треножник//Пушкин. — Достоевский. Пг., 1921. С. 45.

²⁹ Ахматова А. Пушкин//Ахматова А. Стихи и проза. Л., 1976. С. 317.

³⁰ См.: Цветаева М. Соч.: В 2 т. М., 1988. С. 273, 274, 276, 277.

С Петром I неявно соотносит Пушкина и Б. Л. Пастернак, адресуя поэту его же строки о Петре: «На берегу пустынных волн/Стоял он, дум великих полн». Пушкин Пастернака — олицетворение самой поэзии, но поэзия здесь — не божественная Муза, а могучая, неукротимая стихия, столь же реальная, как и другие стихии природы:

Два бога прощались до завтра,
 Два моря менялись в лице:
 Стихия свободной стихии
 С свободной стихией стиха...³¹

Для Пастернака Пушкин — явление, выходящее за пределы обыденного сознания, это тайна, «сфинкс»:

Скала и — Пушкин. Тот, кто и сейчас,
 Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
 Не нашу дичь: не помыслы в тупик
 Поставленного грека, не загадку,
 Но предка³².

Как видим, все эти столь разные образы Пушкина существуют в рамках старого мифа о «поэте по существу и по преимуществу», но раскрывают это понятие в нетрадиционных, подчас неожиданных аспектах.

Обращает на себя внимание тот факт, что 1920—1940-е годы стали подлинным расцветом пушкиноведения. В эти годы выдвинулась целая плеяда пушкинистов: Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская, Г. А. Гуковский, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, В. В. Виноградов и другие. Развиваются до высокого совершенства почти все дисциплины пушкиноведения: текстология, стиховедение и стилистика, историко-литературное изучение и реальный комментарий. В то время ученые не спорили с фальсификаторами и конъюнктурщиками, не возражали против тенденциозных и попросту неверных толкований, но эти труды решительно выбивались из массы примитивных и тенденциозных сочинений по истории нашей литературы. Не будем гадать насчет политических мотивов властей, пошедших на такое непонятное попустительство. Но мотивы, по которым увлекались Пушкиным блестящие ученые, думается, достаточно ясны. В принципе это те же причины, по которым Пушкин занимал такое значительное место в художественном мире упоминавшихся нами поэтов. (Характерно, что пушкиноведением, причем весьма успешно,

³¹ Пастернак Б. Л. Тема с вариациями//Пастернак Б. Л. Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 123.

³² Там же. С. 121.

занималась А. А. Ахматова.) Я. А. Гордин справедливо заметил, что характерной чертой времени было «обращение к Пушкину как опоре и ориентиру в хаосе политическом и духовном», что в Пушкине увидели «эталон абсолютной независимости от беснования общественной стихии»³³. Этот факт приобретает особое значение в контексте нашего сюжета: спасительными и эталонными предстали вдруг именно те черты Пушкина, которые обычно или перетолковывались, или ставились ему в вину: непричастность к политическим схваткам, одиночество и подчеркнутая независимость. Этот миф о Пушкине был, быть может, одним из самых плодотворных, ибо давал тем, кто в него веровал, внутреннюю опору, некий нравственный ориентир в страшном и неприемлемом для них мире. Однако он оставался как бы в подтексте культуры, в подсознании общества, одурманенного совсем иными мифами.

Перед идеологами новой эпохи стояла проблема, которая условно может быть обозначена как выбор между двумя легендами: «Пушкин — друг самодержавия» и «Пушкин — жертва самодержавия». Наверное, отчасти стихийно, отчасти сознательно был избран второй вариант, который вскоре был уже официально узаконен. Мифологизация Пушкина пошла под знаком провозглашения его «самым современным из современников» (Д. Бедный), «нашим», народным поэтом, страдавшим и непризнанным в царской России и лишь теперь понятым и оцененным по заслугам. В русле этой концепции борьба со старым миром и едва ли не самая гражданская война интерпретировались как своеобразная месть за Пушкина: «Я мстил за Пушкина под Перекопом» (Э. Багрицкий). Поддерживалась легенда о том, что произведения Пушкина были любимым чтением бойцов Красной армии. У нас нет оснований подвергать сомнению свидетельства Артема Веселого: «Том пушкинских стихов я таскал с собой в вещевом мешке в годы гражданской войны по всем фронтам»³⁴ — или Э. Багрицкого: «Я с Пушкиным шатался по окопам». Однако их обоих вряд ли можно считать типичными красноармейцами, и образ Пушкина — «поэта походного политотдела» (Багрицкий) — является чисто мифологическим³⁵. В 1920-е годы миф о Пушкине кажется еще не окончательно сложившимся, подчас внутренне противоречивым. В этом смысле характерна одна из классических формул того времени: «Пушкин — певец быта и нравов дворянского сословия и его разоб-

³³ См.: Гордин Я. Распад, или Перекличка во мраке//Знание — сила. 1990. № 12. С. 43, 45.

³⁴ См.: Литературное наследство. М., 1965. Т. 74. С. 521.

³⁵ См.: Багрицкий Э. Избранное. М., 1964. С. 317, 336—337.

лачитель»³⁶. Конец сомнениям положил пушкинский юбилей 1937 г., заявленный и организованный как общенародный и государственный праздник. Отныне Пушкин безоговорочно провозглашается лучшим, величайшим русским поэтом, а также любимейшим поэтом советского народа. Пушкинский миф образца 1937 г. сводится, в сущности, к двум идеям: «Творчество Пушкина — лучшее, что создала литература под гнетом помещичьего общества» и «Пушкин — участник нашей жизни, нашей культурной стройки»³⁷. Идеи, кажется, небогатые, но эксплуатировались они с таким невиданным усердием, что новый миф быстро завоевал все сферы культурной жизни общества. От литературоведческих штудий до школьных сочинений, от Колонного зала до сельского клуба, от знаменитого поэта до безвестного рабочего — все, всегда и всюду восхищались «величайшим в мире поэтом действительности», «певцом свободы» и «врагом религиозных предрассудков», проклинали «светскую чернь» и «феодално-крепостнический гнет» и клялись, что гениальный поэт, непонятый при жизни, необыкновенно близок «людям свободной социалистической страны». Всенародная любовь к Пушкину — одна из важных составляющих мифа — получала все новые неслыханные подтверждения. Огромные тиражи пушкинских изданий, пушкинские спектакли в заводских драмкружках, десятки тысяч паломников в пушкинские места и отзывы, бесконечные отзывы о поэте рабочих, колхозников и комсомольских вожаков. Казалось, каждый советский человек стремился сообщить в газету, что у Пушкина все «ясно и понятно изложено» или что «больно он хорошо пишет»³⁸. Неизвестный колхозник трогательно мечтал: «Как бы лелеяли и берегли Александра Сергеевича, если бы он жил в наше время»³⁹, а безымянный автор задорно восклицал: «Александр Сергееч Пушкин,/Жаль, что с нами не живешь,/Написал бы ты частушки,/Чтобы пела молодежь!»⁴⁰

Примечательно, что советский миф о Пушкине создавался отнюдь не на пустом месте, а развивался в русле традиции. В этом есть некий парадокс: теперь, когда жизнь России во всех ее сферах изменилась столь резко и кардинально, шаблоны и стереотипы в представлениях о Пушкине, тесно связанные

³⁶ См., например: *Войтоволский Л.* Пушкин и его современность//Красная новь. 1925. № 6. С. 228—259.

³⁷ См.: *Якубович Д.* Почему нам близок Пушкин?//Сов. студенчество. 1937. № 2. С. 43.

³⁸ См.: *Дурылин С.* Два юбилея//Смена. 1937. № 1. С. 11.

³⁹ См.: *Якубович Д.* Почему нам близок Пушкин? С. 45.

⁴⁰ См.: *Мануйлов В. А.* Любимый поэт советского народа//Портреты любимых писателей. Петрозаводск, 1937. С. 28.

с общественной ситуацией конца XIX в., должны были бы безвозвратно уйти в прошлое. Они же, напротив, как будто обрели новую жизнь, оказавшись удивительно хорошо пригодными для воплощения идеологических догм новой эпохи. И снова яркие образцы мифологизированных представлений о Пушкине предлагает нам стихотворная беллетристика. По очень многим позициям она явственно перекликается с соответствующими произведениями 1880—1890-х годов.

В обязательном наборе качеств, приписываемых Пушкину официальной доктриной, одно — «любовь к простому народу» — осталось неизменным, два других — «преданность царю» и «верность православию» — были заменены на прямо противоположные — «ненависть к царю» и «непреклонный атеизм». Надо ли говорить, что степень приближения к истине в обоих случаях примерно одинаковая. Задача состояла в другом — сделать из Пушкина эталон добродетели во вкусе эпохи. Что касается судьбы Пушкина в потомстве и претворения в жизнь заветов «учителя», то здесь мы не встречаем решительно никаких новых поворотов темы. Только если в прошлую эпоху были некоторые неясности относительно того, пришел ли тот «светлый день», когда Пушкин обрел полное понимание и любовь народную, то в 30-е годы XX в. в этом уже нет никаких сомнений:

Мы пришли
 Со всех сторон отчины,
 Чтоб ему поведать напрямик,
 Как чудесно
 В нашей бурной жизни
 Бьет его поэзии родник.
 Рассказать,
 Что краше год от года
 Новизною расцветает Русь,
 Как читают
 С гордостью народы
 Пушкинские строфы наизусть⁴¹.

Пушкинские «пророчества» толкуются столь же прямолинейно, хотя сами пророчества изменились. Теперь большой популярностью в этом смысле пользуются строки: «Россия вспрыгнет ото сна,/И на обломках самовластья/Напишут наши имена», а также: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой/И назовет меня всяк сущий в ней язык». Порой авторы уже не удовлетворяются цитированием, а вкладывают в уста Пушкина пророчества собственного сочинения. Так, во время воображаемой

⁴¹ Горюнов А. В доме на Мойке//Горюнов А. Простыми словами. Великие Луки, 1949. С. 62—63.

встречи одного из поэтов с Пушкиным Пушкин раздражается восторженной тирадой:

О, я знаю, ты счастлив, мой друг дорогой,
 Что живешь в Советской стране!
 < >

Это светлое утро когда-то во мгле,
 В злое время предчувствовал я.
 Не за этот ли нынешний праздник в петле
 Задыхались друзья? ⁴²

Так же как прежде, усиленно обыгрывается в связи с Пушкиным национально-патриотическая тематика:

Нет равного Пушкину в мире поэта
 И песен, которые так бы цвели,
 Как нету на свете прекраснее этой,
 Родившей нам Пушкина, русской земли ⁴³.

Правда, теперь наряду с великим русским народом с уютной обстоятельностью перечисляются все другие народы Советского Союза. Авторы бесконечных юбилейных статей и выступлений на митингах и торжественных собраниях следовали тем же канонам: «Он верил, что придет время, когда у его могилы „младая будет жизнь играть“. Это время пришло, ибо наша страна — страна молодости, отечество людей, создающих в героической борьбе, свободным радостным трудом ту жизнь разума и свободы, о которой мечтал великий русский поэт» ⁴⁴; «Пушкин завещал нам смотреть на литературную деятельность как на деятельность государственную, направленную на благо народа. И мы верны этому завету. Пушкин завещал нам борьбу за высокие передовые идеи. Мы выполняем его завет» ⁴⁵; «Так раскрывается в наши дни подлинный облик Пушкина — поэта-патриота, решавшего коренные вопросы русской жизни, великого деятеля передовой русской национальной литературы, друга и учителя наших братских литератур, одного из величайших мировых художников слова. <...> Недаром <...> так часто говорилось о том, что Пушкин не только наш предшественник, но и наш современник, сверстник, наш боевой соратник» ⁴⁶.

⁴² Гукасян А. Нет, весь я не умру. // Новый мир. 1949. № 6. С. 13.

⁴³ Бекхожин Х. Голос России/Пер. Я. Смелякова//Бекхожин Х. Избранное. Алма-Ата, 1958. С. 71.

⁴⁴ Десницкий В. А. Пушкин и его время//Пушкин: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. С. 260.

⁴⁵ Первенцев А. Выступление на митинге памяти Пушкина//Там же. С. 372.

⁴⁶ Паперный З. М. В борьбе за подлинного Пушкина//Пушкин в школе. М., 1951. С. 200.

Сила воздействия этого мифа о Пушкине заключалась и в том, что среди его творцов и пропагандистов были люди знаменитые и выдающиеся. Пушкинисты Д. Д. Благой, В. Б. Шкловский, Д. П. Якубович, В. А. Десницкий; поэты Н. С. Тихонов, М. А. Светлов, Я. В. Смеляков, К. М. Симонов; писатель К. Г. Паустовский и академик С. И. Вавилов — все они (и можно назвать еще много известных имен) в своих речах, статьях, стихах и пьесах рассуждали соответственно общим установкам, и рассуждения эти — увы! — не очень отличались от сентенций дежурных стихоплетов и борзописцев. Но, наверное, не только на страхе и принуждении держался этот миф, не только инерция мышления питала его. Как и все сколько-нибудь влиятельные и популярные мифы, он опирался и на реальные запросы общества, затрагивал и живые струны в душах людей. В нем отозвались и действительная, непритворная любовь к Пушкину, и редкая по тем временам возможность адресовать восхищение тому, кто в самом деле его заслуживает, и национальная гордость, и затаенный интерес к прошлому своей страны. В общем, этот мифический Пушкин, видимо, вполне соответствовал представлениям общества о великом национальном поэте. Неудивительно, что этот миф в целом оказался очень живучим: влияние его ощутимо и в наши дни. Однако с середины 1950-х годов господствующая идеология постепенно теряла свою силу: все меньше энтузиазма она вызывала, все менее ревностно насаждалась. Слабел, размывался, терял былую жесткость и определенность и советский миф о Пушкине. Отдельные образы, утрачивая способность воплотить сколько-нибудь живое содержание, годились лишь для пародии. Так, образ поэта-пророка незаметно стал моделью для анекдотов (Пушкин первым возгласил: «Октябрь уж наступил!», Пушкин завещал: «Души прекрасные порывы!» и т. п.).

Процесс медленного высвобождения общественного сознания вылился, в частности, в новую мифологическую модель, получившую название «Мой Пушкин». Она имела даже некую традицию, восходившую к известным книгам В. Я. Брюсова и М. И. Цветаевой⁴⁷, и обладала свойствами, необходимыми для выживания в шатком равновесии общественной ситуации 1960-х годов. Формула «Мой Пушкин», заведомо предполагая известную необязательность создаваемого образа, как бы не покушалась на образ официальный и узаконенный, но в то же время давала простор для нетривиальных подходов и концепций. Характерно, что она широко использовалась на самых раз-

⁴⁷ Брюсов В. Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М.; Л., 1929; Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967.

ных уровнях: от стихов и деклараций известных поэтов и писателей до школьных сочинений. Этот новый миф был, естественно, разноречив и неоднороден. Интимное «мой», заменившее прежнее «наш», оборачивалось то проникновенным лиризмом, то бесцеремонной фамильярностью. О «своем» Пушкине заявили не только Б. Ахмадулина, А. Кушнер, Д. Самойлов, но и бесчисленные графоманы, давшие богатый материал пародисту А. Иванову для сборника «С Пушкиным на дружеской ноге» (Л., 1981).

Если же попытаться обозначить главное, что привлекало в Пушкине поэтов 1960—1970-х годов, то скорее всего получится несколько смутный образ гармонической личности, многогранного гения, легко совмещавшего в себе художника и гражданина⁴⁸. Как и другие мифы, этот миф о Пушкине опирался на реальность и все же с реальностью не совпадал. Но если другие мифы, о которых у нас шла речь, отличались неким смещением масштабов, гипертрофированием тех или иных сторон творчества и личности Пушкина, очевидным упрощением его образа, то этот миф был абстрактен и расплывчат. Он не смог породить ярких, доступных и привлекательных для общества образов. А в это время в массовом сознании активно формировался достаточно неожиданный для российской традиции миф о Пушкине — «хорошем человеке». С поразительной последовательностью из всего богатства противоречивой личности Пушкина и бурной его жизни отбирались те черты и факты, из которых складывался образ доброго веселого человека, верного товарища, любящего отца и заботливого мужа. Каждая из этих черт в отдельности не была вымышленной, но образ, сконструированный исключительно из них, не очень соответствовал своему реальному прототипу. Между тем многие люди так искренно обожали этого мифического Пушкина, что не на шутку гневались, встречая в пушкиноведческих работах не соответствующие такому образу факты и гипотезы. Зато огромным читательским успехом пользовались сочинения, поддерживавшие и развивавшие новый миф⁴⁹. Интересно, что на первый план все более активно выдвигался образ жены поэта, интересующий публику едва ли не более, чем он сам.

⁴⁸ См.: Михайлов Ал. «Что в имени тебе моем?»: (Пушкин и современная поэзия)//Вопр. лит. 1973. № 2. С. 51.

⁴⁹ Например: Кузнецова А. «А душу твою люблю...» Повесть о Доризо Н. 1) Мой Пушкин//Октябрь. 1972. № 8. С. 85—88; 2) Жена поэта: (Пolemические раздумья)//Молодая гвардия. 1983. № 10. С. 185—216; Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975.

Наталье Николаевне Пушкиной: Подлинные письма и факты. Предположения. Раздумья//Октябрь. 1982. № 2. С. 3—71;

Бывший пророк, учитель и основоположник стремительно превращался в мужа красавицы Натальи Николаевны и рисовался воображению не иначе, как в окружении кудрявых малышей.

Таким образом, к концу 1980-х годов мифологизация Пушкина как будто зашла в тупик, придя к такому мифу, который почти не нуждается, как в своей основе, в фигуре такого масштаба, как Пушкин. Однако уже очевидно, что в бурных дебатах наших дней мы по-прежнему не можем обойтись без Пушкина. Вокруг его имени закипают споры потомков западников и славянофилов, современных революционных демократов и приверженцев «чистого искусства»⁵⁰. Из этих споров, стычек, раздумий и фантазий наверняка родится новый миф. Миф о Пушкине развивается вместе с обществом, выражая в опосредованной форме его явные или скрытые идеалы. Потому невозможно сказать, каким будет Пушкин XXI в. — это зависит от того, какими будем мы.

⁵⁰ См.: Глушкова Т. Пушкинский словарь//Москва. 1990. № 6. С. 180—196; Непомнящий В. С. Наш Пушкин//Лит. газ. 1990. 5, 9 сент.; Сарнов Б. Уроки Розанова//Огонек. 1991. № 8. С. 24—25; Скатов Н. Н. «Но есть у нас Пушкин...»: (Полемические заметки)//Правда. 1991. 8 июня. № 137 и др.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995